

От эсеров к исламистам. Смерть как экзамен в школе террора

Что общего у эсеров и исламистов, Зимнего дворца и башен-близнецов, ранних большевиков и зрелого ХАМАСа? Обо всем этом — с известным историком, профессором Бостонского университета и университета Бар-Илан, экспертом по политическому терроризму д-ром Анной Гейфман, выступившей в Киеве по приглашению «Мидраши ционит»

— Анна, вы специалист по терроризму в Российской империи конца XIX — начала XX века. Это было изолированным явлением или народовольцев, эсеров и максималистов можно считать предтечами итальянских «Красных бригад» и немецкой RAF 1970-х?

— До 1900-х годов мы имеем дело с классическим террором, корни которого восходят, по меньшей мере, к средневековым асасинам (секте исмаилитов, совершавших убийства на политической и религиозной почве). Это целая традиция, когда острие террора направлялось на элиту режима, — так народовольцы убили Александра II, покушались на Александра III и т.д.

В начале XX века ситуация меняется в корне, поскольку террор стал массовым и направленным, в основном, на мирное население, и эта — современная модель террора возникает именно в России. Например, анархисты бросают самодельную бомбу в железнодорожный вагон первого класса, где расслабляются проклятые буржуи, потом — в вагон второго класса, где едет тоже не пролетариат, а войдя во вкус, и третьего — потому что его пассажиры могут позволить себе билет на поезд. 14 ноября 1905 года боевая группа анархистов-коммунистов кинула две бомбы, начиненные кусочками

свинца и гвоздями, в кафе отеля «Бристоль», где находилось более двухсот посетителей. Цель акции, как следовало из листовки, была проста: «посмотреть, как подлые буржуи корчатся в смертельной агонии».

Конечно, покушения на высших чинов не прекращались, но их как-никак охраняли, поэтому жертвами все чаще становились просто люди в форме. С одной стороны, форма олицетворяла проклятое самодержавие, с другой, — кто в России ее не носил? Даже гимназисты и дворники были в форме. Из 671 служащих министерства внутренних дел, убитых или раненых с октября 1905 по апрель 1906 года, только 13 занимали высокие посты. Остальные 658 были городскими, кучерами и т.п. Профессии почтальона и уличного регулировщика стали опасными.

Типичная сцена: мальчик лет 16-ти бросает с балкона самодельную бомбу (банку из-под сардин, начиненную порохом и гвоздями) в проходящий мимо взвод солдат. То, что это простые крестьяне, — его абсолютно не интересует. Собственно, к концу 1900-х годов в эпицентре теракта легко было оказаться и без формы — три четверти жертв были гражданскими, гибли и получали ранения в среднем 18 человек в день. Именно такой вид террора распространился примерно в 1904-1905 годах в России, и это примерно то, с чем мы сталкиваемся сегодня, — взрыв автобуса или наезд на пешеходов на остановке.

— Разве что с поправкой на технический прогресс, моду на камикадзе и вовлечение в террор женщин и детей...

— И это, к сожалению, не ново. Террористы-самоубийцы появились не в Ливане в 1980-х, а в Петербурге в начале прошлого века. 15 октября 1907 года Евстолия Rogozinnikova входит в главное тюремное управление и семью выстрелами из револьвера убивает начальника управления Максимовского. Это было бы обычным терактом, если бы на теле девушки не обнаружили более пяти килограммов динамита и шнур от детонатора, который был спрятан под кофтой так, что его можно было дернуть зубами. Она просто не успела довести задуманное до конца, иначе бы здание со всеми, кто в нем находился, просто взлетело бы на воздух. Женщин в терроре было очень много и тогда: Мария Спиридонова, Фрума Фрумкина, Зинаида Коноплянникова, Лидия Езерская.

Что касается детей, то 14-летние подростки, обмотанные взрывчаткой, которых задерживают на КПП, — это тоже не палестинское ноу-хау. 100 лет назад в России эти дети иногда стоили 50 коп. за голову, в зависимости от задания. Впрочем, детей-смертников было тогда немного, в основном они служили подсобной силой. Одна мама-большевичка обвязывала свою 4-летнюю дочь Лизоньку взрывчаткой, которую та провозила на себе в поезде Хельсинки — Санкт-Петербург — это тоже исторический факт.

Технический прогресс тоже не более, чем условность, — 11 сентября 2001 года я вспомнила свою первую книжку, изданную лет за десять до этого, где описывался неудавшийся эсеровский теракт — они хотели направить начиненный взрывчаткой аэроплан на Зимний дворец. В годы Второй мировой нацисты хотели устроить нечто подобное на Манхэттене.

— Так или иначе, но и левый, и правый террор уступили место в последние пару десятилетий террору исламистскому. Во всяком случае, если не по числу атак, то по количеству жертв. Это — война цивилизаций, следствие краха мультикультурализма, неспособность ислама к модернизации или...

— И то, и другое, и третье, но глубинные причины — психологические, и они же привели к эпидемии террора в Российской империи. Если в XIX веке большинство террористов представляли высшие слои общества (отец Софьи Перовской был, между прочим, военным губернатором Санкт-Петербурга), то в начале прошлого столетия в террор приходит пролетариат — первое поколение рабочих. Чтобы были понятны масштабы — население Петербурга за одно десятилетие выросло вдвое — в основном, за счет недавних крестьян, юношей 16-18 лет, оставивших отчий дом в поисках работы в городе.

Привыкнув жить в общине, не осознавая свое индивидуальное «я», — они чудовищно тяжело адаптировались к новой жизни. Теперь этот Ваня, Петя или Федя должен решать все сам — что такое хорошо и что такое плохо, кто друг и кто враг, что морально и что аморально, с кем дружить, на ком жениться. Были попытки устроить приюты для таких ребят, организовать землячества — все это провалилось, даже вера не спасала, потому что его церковь — это церковь деревенская, где он знает каждого, и каждый знает три поколения его предков. А дальше все очень просто — человек впадал в

депрессию, пребывая в конфликте с самим собой, не зная, зачем и почему он живет. И тут самое время появиться агитатору: «Ну что, Вася, плохо тебе? Так иди к нам. Вступай в нашу организацию, у тебя появятся товарищи, новые смыслы, великая идея». Они умели создать симуляцию, иллюзию коллективной жизни... И, самое главное, всю эту скопившуюся нелюбовь к себе агитаторы умело перенаправляли — не ты неудачник, а система порочна, и ее надо разрушить.

То же самое происходит сегодня с мусульманами — они выходят из своих хамул (общин, — прим. ред.), попадая в пригороды Парижа, восточные кварталы Лондона или район Моленбек в Брюсселе. Оставив свою традиционную культуру, к другой культуре они так и не пришли. В психологии это называется историческая дислокация — резкий слом культурной модели, базисных смыслов и системы отношений. Есть культуры, которые к этому лучше адаптированы — в Англии крестьяне тоже после огораживания (насильственной ликвидации общинных земель, — прим. ред.) уходили в города, но это происходило на протяжении столетий. В целом же человеку очень трудно перейти из коллективной культуры в индивидуальную. Ему очень плохо, и агитаторы умеют объяснить, почему ему плохо — посмотри, мол, как тебя эксплуатируют, как унижают.

— И все же, чем привлекают мусульманскую молодежь идеи джихада? Раньше было принято думать, что смертники — это, в основном, бедные и неграмотные маргиналы, которым нечего терять, но ведь это не так — среди «живых бомб» много образованных людей. Я уж не говорю о тысячах добровольцах-мусульман, которые отправляются сегодня из благополучной Европы воевать на стороне головорезов ИГИЛ... Не преувеличиваем ли мы социальные мотивы, наивно полагая, что ликвидировав бедность и неравенство, уничтожим питательную среду терроризма?

— Скажу больше — в среднем террористы более образованны и лучше материально обеспечены, чем их соплеменники, — это касается в том числе и сектора Газа. Интересный момент — особенно много среди них людей с инженерным и медицинским образованием. Как бы то ни было, очевидно, что не бытие определяет сознание, а образование и внешнее благополучие не означают внутренний комфорт. Тех же Царнаевых Америка прекрасно приняла, Джохар учился в престижном Дартмутском колледже — одном из

старейших университетов США, входящем в Лигу плюща. На первый взгляд все было прекрасно, но он не вжился в новую культуру, оставшись в зазоре между старым и новым. То ли он нашел исламистов, то ли они его нашли и... готов террорист. Сын банкира из Нигерии, учившийся в Лондоне и пытавшийся лет шесть назад взорвать самолет [Northwest Airlines](#), — видели бы вы его профиль в facebook — в какой дикой депрессии он пребывал, абсолютно одинокий и потерянный... Марксистский анализ в данном случае не работает.

— Есть ли в самом исламе противоядие против дальнейшей радикализации? Я имею в виду не бесполезные межконфессиональные форумы, на которых религиозные деятели под хорошую закуску торжественно произносят много правильных слов, до которых многомиллионной пастве нет никакого дела.

— Не надо преувеличивать роль ислама. Я в своих исследованиях использую показания смертников, которые по каким-то причинам не взорвались, — многие утверждают, что их вербовщики не очень-то религиозны. Странно, правда? Казалось бы, все это делается во имя ислама и всемирного джихада, но при этом многие смертники крайне неграмотны в религиозном плане.

В 2001 году Бен Ладен издает фетву о том, что не только американские военные, но любой американец — легитимная цель для джихада. На каком основании он это делает? Он что, имам? Это все равно, что я издала бы галахическое постановление. Бен Ладен прекрасно осознает, что это абсурд, более того — грех, но его это не останавливает. Когда мусульманин-смертник, идущий на смерть ради торжества ислама, пьет алкоголь — это дикость, и, тем не менее, это происходит. Значит, религия ни при чем — она лишь инструмент. Что же движет этими людьми? Когда они говорят, что любят смерть, — это трудно понять и принять, но это так. Они действительно любят смерть так, как евреи любят жизнь.

Хотя и это не ново — история человечества знала множество культов смерти — от жертвоприношений у майя до моды на самоубийство в России Серебряного века и ритуальных убийств детей в современной Уганде. Просто в нашем политизированном обществе и культ смерти политизирован, а его жрецы используют ислам, чтобы рекрутировать новых адептов. Это даже не война цивилизаций, а война язычества, которое приносит себя и своих детей в

жертву Молоху с теми, кто выбирает жизнь, — в первую очередь евреями, потому что призыв «Выбери жизнь» — это заповедь Торы, и мы принесли ее в этот мир. Надежду внушает лишь то, что не было в истории ни одного культа смерти, который не был бы разрушен или не самоуничтожился.

— Вы постоянно отслеживаете тенденции в развитии мирового террора, есть нечто, что может вас удивить после 11 сентября?

— Об этом мало кто говорит, но одной из главных мишеней в последние годы становятся дети. И именно потому, что после 9/11 террористам нужно было совершить нечто такое, что перекрыло бы ужас от падения башен-близнецов, а это очень непросто. К тому же, дети — это последняя ценность, оставшаяся в нашем постмодернистском мире, где все подвергается сомнению, где на каждое «но» есть свое «однако». Никто ведь в здравом уме не скажет, мол, плохо, конечно, когда целенаправленно убивают детей, но... И террористы бьют именно по этой ценности — тенденция абсолютно очевидна еще с Беслана. И следующее десятилетие прошло под знаком террора против детей — в Израиле, и против еврейских детей в других странах, например, в Тулузе в 2012-м. Но особенно поразительно, что сегодня теракты в основном направлены против мусульманских детей — в Афганистане, Нигерии, Сирии, Ираке. Десять лет спустя, в декабре 2014 года, бесланская бойня была воспроизведена в Пакистане, когда талибы убили 132 ребенка в школе в Пешаваре.

Есть еще одна примета последних лет, имеющая, впрочем, исторические аналоги — террористы стали приходить к власти. Впервые они сделали это в 1917-м в России — именно тогда люди, для которых террор был способом политической борьбы в подполье, став у руля государственной машины, стали проецировать этот опыт на всю страну. Та же модель была воспроизведена с воцарением ХАМАСа в Газе — на своем террористическом опыте исламисты построили государственную инфраструктуру, невероятно напоминающую ранний большевизм с его красным террором и т.п. И совсем недавно этот успех повторило ИГИЛ, контролирующее сегодня территорию больше Бельгии. Они ударными темпами строят государство — со своими школами и лагерями, со своей полицией, в том числе полицией нравов, — государство, основанное на их террористическом опыте. Как всегда, первыми жертвами становятся свои — так было и в России, и в Газе и так происходит в ИГИЛ — это, прежде всего, гуманитарная катастрофа для людей, допустивших

террористов к власти.

— Известны ли примеры успешного противостояния терору на системном уровне?

— Столыпину это удалось. Он становится министром внутренних дел в 1906 году — на пике террора, во многом потому, что другие потенциальные кандидаты боялись занять этот пост — каденция их и сама жизнь могла оборваться терактом в любую минуту. На самого Столыпина было совершено 11 покушений, во время взрыва на Аптекарском острове 27 человек погибло на месте, 33 были тяжело ранены, в том числе дочь и сын премьера. После этого он вводит военно-полевые суды, которые к юриспруденции имели весьма отдаленное отношение. Если вы объявили нам войну, заявил, обращаясь к террористам, глава кабинета министров, мы будем судить вас как военных преступников. Расчет был верным — армия имела зуб на террористов-бомбистов всех мастей, поскольку выполняла несвойственные ей функции по охране правопорядка — например, у здания банка дежурили полицейские (которых террористы отстреливали как куропаток), а их охраняли военные. Не говоря уж о том, что с любого балкона в проходящих солдат или офицеров могли кинуть бомбу.

Поэтому, когда к военным приводили типа с револьвером, в котором не хватало двух пуль, доказать, что он стрелял по птичкам, было трудно. Существовала презумпция виновности, его судили в течение 48 часов, без участия адвоката и права на апелляцию, и в течение 24 часов приговор приводился в исполнение. Таким образом, было казнено 900 человек, после чего террор резко пошел на спад.

При этом умный Столыпин понимал, что террор — это лишь симптом болезни общества, и параллельно начал вводить свои реформы. Другое дело, что его мечте «дайте нам 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию» не суждено было сбыться — в 1911-м его убили, а через три года началась Первая мировая...

— Опыт Столыпина, к сожалению, не релевантен в борьбе с исламистским террором, ведь собственная жизнь для террориста ценности не представляет («Не считай мертвыми тех, кто был убит на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа...»), — Коран). Военно-полевой суд поток смертников не остановит, наберут других...

— Наберут, но посмотрите, кого выбирает в террористы тот же ХАМАС — например, девушку, которую видели с незнакомым парнем на улице (очень часто это просто провокация — вербовщик специально начинает за ней ухаживать), — с точки зрения традиционной культуры, она после этого уже мертва. Замуж не выйдет, детей не родит, хорошо, если братья не прикончат. Единственное, что она может сделать, — это искупить позор, более того — после успешного теракта в ее честь назовут улицу или летний детский лагерь. Все это возможно лишь в квазигосударстве, где ХАМАС контролирует СМИ, называет школы именами камикадзе, в государстве, где процветает культура смерти.

ИГИЛ еще более успешны в своей пропаганде, они, в отличие от ХАМАСа, не представляют себя жертвами евреев и Запада. Нет, говорит ИГИЛ, — мы плохие, мы самые плохие, прирожденные убийцы — головы отрубам, живьем сжигаем, в рабство продаем — посмотрите и ужаснитесь. Они прекрасно понимают, что существуют до тех пор, пока подпитываются добровольцами из Европы, а в Европе очень модно быть плохим — если ты злодей, но злодей профессиональный, — это cool. В постхристианском западном мире, где ценности девальвированы и нет четко разделенного добра и зла, единственное, что ценится по-настоящему, — это профессионализм. Поэтому ИГИЛ демонстрирует, как они мастерски убивают, какие они успешные и бесстрашные.

— Помните строку из стихотворения Станислава Куняева — «добро должно быть с кулаками»? Если современная Европа и — шире — западная цивилизация — начнет бороться с исламистами столыпинскими методами, не потеряет ли она саму себя, отказавшись от своих базовых принципов и перестав быть той либеральной, толерантной Европой, которой привыкла себя ощущать?

— Она уже во многом потерялась, когда вступила в эпоху постхристианства, где комфорт заменил морально-этические и библейские (а по сути еврейские) ценности. Ценности, на которых стояла когда-то вся европейская цивилизация. Комфорт имеет отношение не к добру или злу, а к выгоде. Очень комфортно и выгодно считать себя либеральными, толерантными и не принимать никаких решений, потому что это очень страшно и очень некомфортно — принимать решения. Европа отчасти потеряла ту традицию, которую мы — евреи — ей передали. Мы многим сегодня мешаем, и не стоит удивляться, что Израиль у многих вызывает неприязнь.

Мы ведь говорим то же самое, что на протяжении тысячелетий учили в Торе, — что существует добро и зло, жизнь и смерть — и нужно делать выбор. Это раздражает. Европа теряет себя, подпиливая сук, на котором сидит. Ни одна культура не способна просуществовать достаточно долго, если позволяет себе расшатывать и в итоге отказывается от этической базы, на которой изначально зиждилась.

Беседовал Михаил Гольд, Jewish.ru